

А. В.
АМФИТЕАТРОВ

Амфитеатров А. В. Мертвые боги: Рассказы. Роман М.: Современник, 1991.-- (Из наследия). // ISBN: 5-270-01012-7 FB2: "rvvg ", 07.05.2009, version 2.5 UUID: FBD-14C282-BC92-9C43-EF97-BA3A-759C-70E96F PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Валентинович Амфитеатров

Тать в ноци (Мифы жизни (1911))

Сборник «Мертвые боги» составили рассказы и роман, написанные А. Амфитеатовым в России. Цикл рассказов «Бабы и дамы» — о судьбах женщин, порвавших со своим классом из-за любви, «Измена», «Мертвые боги», «Скиталец» и др. — это обработка тосканских, фламандских, украинских, грузинских легенд и поверий. Роман «Отравленная совесть» — о том, что праведного убийства быть не может, даже если внешне оно оправдано.

Из раздела «Русь»

Содержание

#1	0005
Примечания	0027

Тать в ноци (Давний случай)

Сельцо Мартыновщину, Овечью Топь тож, совсем замела и схоронила под сугробами двухсуточная метель. Она свирепствует в морозном просторе новогодней ночи, переполняя угрюмую мусть между небом и землею порывистыми перелетами снежных вихрей.

Облака снежной, колючей, точно толченное стекло, пыли мечутся в неутомимой суетне, то взвиваясь, то приседая, то худея, то тучнея, то крутящимся столбом, то прямо напролом прущей невесть куда и откуда тучей.

Овечьетопский помещик Антип Егорович Савросеев провел, по милости метели, взаперти целых три дня и успел за это время заскучать до унылого бешенства, какое, по-настоящему, во всю свою сласть, только захоластанным людям и знакомо. На Рождестве он уговорился кое с кем из соседей, чтобы Новый год встречать у него в усадьбе. Метель эти праздничные планы разрушила, и теперь Савросеев, почти с ужасом предвкушая возможность провести в одиночестве новогоднюю ночь — да еще такую жуткую, мутную, с визгом и ревом непогоды! — не без волнения ожидает, не едут ли к нему хоть ближайšie

закадычные друзья — помещик Аристов из ближнего села Алешки и тамошний же ба-тюшка о. Викторин.

И Аристов, и о. Викторин такие же одинокие бобыли, как Савросеев: один — старый холостяк, другой — бездетный вдовец. Все трое — люди с достатком, не обремененные занятиями, неглупые, веселые, не дураки выпить и перекинуться в картишки.

Савросеев, назло своим пятидесяти годам, брюшку и лысине, еще и немалый Дон-Жуан. Мужики уже не раз сулили барину за последнее его качество хорошую встрепку, но он неисправим. При старых крепостных порядках Савросеев непременно завел бы сераль у себя в доме... теперь он под башмаком у своей экономки Фаины.

— Не приедут... как Бог свят, не приедут, — бормочет Антип Егорович, расхаживая по просторным покоям своего жилья, прислушиваясь к вою бури и ежеминутно поглядывая на часы. — Вона: уж девятый... Прохор! Про-охор!

Но Прохор не отзывался. Барин уже заму-чил его, посылая на крыльцо смотреть, како-

ва погода, не перестало ли мести. Савросеев, — нечего делать! — натягивает на плечи обиходный волчий тулуп и, ворча, сам выходит на крыльцо.

Ночь и плачет, и рычит, и поет, и смеется, и лешим воет, и колокольчиком заливаается...

«Эка чертов шабаш», — подумал Савросеев, плюнул и пошел в комнаты, с досадой ворча под усы: — Нечего и ждать... в такой сумбур никто не поедет... Во те и с Новым годом, с новым счастьем!

* * *

А гости все-таки ехали. Как ни протестовал О. Викторин, человек солидный и рассудительный, против путешествия в метель, как ни молил аристовский кучер Феофил своего барина помилосердствовать, старый кутила настоял на своем и даже прицелил к компании еще заезжего в Алешки акцизного. О. Викторин, едва влез в кибитку, сейчас же зарылся в сено и, согретый тяжелой меховой рясой, крепко заснул; акцизный и Аристов, сидя за кожаным фартуком, курили, изредка перекидываясь короткими фразами. Вой вьюги, звон бубенцов, уханье кибитки на раскатах и

последовательные нырки ее из сугроба в сугроб скоро надоели обоим.

— От Алешек до Мартыновщины, — сказал акцизный, — по хорошей путине меньше часа езды; мы выехали в шесть, а вот уже восемь без пяти, но еще, кажется, не близко... Феофил! где мы? — спросил он, открывая фартук. Кучер повернул к барину голову, повязанную сверх шапки платком, и прокричал что-то.

— А? У Никитских кустов, ты говоришь?

— Надо полагать, что у них самых...

— Надо полагать! — недовольно заворчал акцизный, — ты, братец, наверное знай, без «надо полагать». Этак — с вашими авоськой и небоськой — пропадешь здесь... в метель долго ли потерять дорогу?

— Тпру... — раздалось с козел.

— Что там, Феофил?

— Наворотило, вашескородие!..

Конские морды уперлись в громадный снежный бутор, Феофил слез с козел и, кряхтя, стал щупать кнутом дорогу.

— В объезд, что ли, Феофил? — спросил Аристов. Кучер долго молчал. Потом влез на

КОЗЛЫ И ВЗЯЛ ВОЖЖИ.

— Слева объедем, — сказал он.

Кони тронулись шагом. Кибитку сильно трянуло, кузов застонал и глубоко опустился в снег.

— Куда ты заехал, мошенник? куда? — закричал Аристов.

— А почему я знаю? — равнодушно возразил Феофил.

— А! каков? «Почему знаю?!» какой же ты, bestия, кучер после этого.

— Кучер! нешто кучеру с попуценьем естества равняться возможно? Говорил: не надо ехать, пути нет, — так не послушали, а я чем виноват? я человек подневольный...

— Поговори, поговори у меня! завтра же расчет получишь!

— Вся ваша воля!..

— До завтра-то нас еще, может быть, и на свете не будет, — проворчал акцизный.

— Типун бы вам на язык! каркает же человек Бог знает что, да еще в такую минуту! — сердито прикрикнул Аристов и стал будить о. Викторина:- Батя, а батя! полно вам, вставайте!

— А? что? приехали?.. — забормотал священник.

— Приехали! как же! в сугробе сидим... да проснитесь же вы!

О. Викторин поднял голову, осмотрелся.

— Ну, а я-то что же тут поделаю? — развел руками он, фаталистически глядя в серую даль, пожал плечами, крепче завернулся в рясу и опять лег.

— Эка флегма ходячая! Сказал бы я тебе теплое словцо, не будь ты духовным лицом...

— Замерзнем! — со слезами в голосе пролепетал акцизный.

— Как есть! — невозмутимо отозвался с козел Феофил.

— Нет... у меня ряса теплая... — глухо прозвучало со дна кибитки.

Феофил три раза ходил искать дорогу и возвращался ни с чем. Аристов пил водку из дорожной фляжки и ругался, акцизный уныло молчал, о. Викторин храпел.

Так прошло минут десять. Вдруг со стороны долетели слабые, звенящие звуки... Конюхи подняли головы.

— Колокольчик, — живо сказал Феофил,

зашевелив вожжами. — И кибитка, слышно, ухаает... Но, милые! вывози на устреток!

— А может, они тоже плутают, как и мы?..

— Все с людьми веселее.

Аристовский и дальний колокольчик стали перекликаться, словно аукаясь. Неизвестные ездоки тоже искали мартыновщинских гостей, но чужой колокольчик звучал ровнее, быстрее, увереннее: очевидно, незнакомцы ехали по твердой полосе. Свистом, гиканьем, перекликами путники помогали звонкам и наконец нашли друг друга, съехались.

— Кто такие? — раздался зычный окрик из чужой кибитки.

— А вы кто?

— Мы Сидорюки, мещане.

— Из города?

— В Мартыновщину, — не расслышав вопроса, дали ответ чужаки.

— Вот и мы туда же... попутчики, значит.

— Чудесное дело!

— Путь-то у вас есть ли?

— Есть. Езжайте за нами. До Мартыновщины четырех верст не осталось — дорога гладкая.

— Вот и выбрались! — засмеялся Аристов, хлопая озябшими руками в шерстяных варежках, — а вы уж и заныли! баба! — попрекнул он акцизного.

— И все-таки глупо, что мы поехали.

— Э! снявши голову, по волосам не плачут. Да и что мы потеряли? Дома сидели бы, скучали, дулись в шашки, нарезались бы рябиновки, а она у меня прескверная. У Антипа же повар отличный, вишневка изумительная, сам он сыграет нам на гитаре, а Фаинку... вы его Фаинку видали?

— Знаю. Тумба.

— А вам в курской деревне Венеру Медицинскую подай? Эх вы, баловники!.. Фаинку плясать заставим: мастер баба на это. Что ж? не интересно, скажете?

— Вот кабы мы замерзли или волки нас съели, был бы вам интерес!

— Если бы да кабы росли во рту грибы! Слушать тошно. Что за молодежь нынче стала! кисляй на кисляе!

— Что ж вы ругаетесь?

— Я не про вас, а так вообще, факт констатирую. Возьмите меня или Савросеева: чем не

молодцы? Крепыши!.. Страху не страшусь, смерти не боюсь!.. а мне за пятьдесят. В ваши годы я в прорубях купался, а о метелишках и волчишках и разговаривать бы постыдился.

— Я, признаться, о волках так только, к слову сказал. Я другого потрухивал. Говорят, Беглец по околотку бродит.

— Вот еще, куда его черт понесет в такую вьюгу? Он хоть и каторжник, а все небось свою шкуру жалеет.

— Какие это Сидорюки с нами едут? — круто повернул разговор акцизный. — Я что-то не помню...

— Скупщики. У меня с ними дел не бывает, а слышал про них; ездят по мужикам, по средним помещикам, маклачат. Хорошие люди, ничего, хвалят их. Да! так о Беглице-то. Нечего сказать: наградил наш Антип Егорович округу этим сокровищем! сослужил службу!

— Право, даже странно: такое воплощенное добродушие, как Савросеев, и вдруг — довести человека до разбоя!

— Что ж делать, батенька? Тут любовь на сцене, а «любовь — она жестокая для сердец», — сказал какой-то писатель. Вы вот Фа-

инку тумбой величаете, и, точно, кроме пляски и жиру за ней заслуг не имеется, а Антип из-за нее наделал пошлостей и подлостей, а Матюшка Беглец пошел из-за нее на каторгу.

— Он, говорят, был ее женихом?

— Нет, так женихались. Я даже полагаю, что и любить-то его она не любила. Любящая крестьянская девушка без крайней нужды своего парня не бросит и в экономки к старому холостяку не пойдет. А Фаина не из бедной семьи. Сам Беглец тогда на стену лез: отняли, опутали девчонку!.. А чего там отняли, опутали? Просто: «не искал он, не страдал он, — серебром лишь побряцал он» — и готово! Возмечтала о себе, захотелось быть барыней, — ну, значит, и баста: «в дом мой смело и свободно хозяйкой полною войди!».

— Чего вы сегодня в стихи пустились?

— Нельзя иначе: предмет такой... Хорошо-с... Совершился этот роман или, вернее сказать, первый том романа. Беглец ходит на деревне, как чумной, ругается, пьянствует, а Антип заперся в усадьбе со своей Еленой Прекрасной и тоже по адресу Бегльца немалую злобу пускает. Ибо, во-первых, боится, как бы

Матюшка спьяну да со зла не пустил ему красного петуха, а во-вторых, ревнует свое золото, Фаиночку эту необыкновенную, к прежнему возлюбленному до умоисступления. Вдруг, мол, Фаина найдет, что у меня и нос красен, и белки с жилками, и под глазами мешки, как у Абдул-Азиса, плюнет на меня да — к старому дружку?.. А Беглец, скажу вам, малый хоть куда: цыганская этакая рожа, взгляд прямой, бойкий, плечища, грудища, силища!.. Думал, думал Савросеев, да и надумался перетолковать с овечьетопскими мироедами. Вот что, говорит, старички, давно вы подбираетесь к моим заливным лужкам, а денег у вас нет; так я, радея вашей бедности, куда ни шло, подарю вам лужки. Но и вы меня потешьте: как хотите, а упраздните Матюшку из Мартыновщицы. Старичков наших — мир этот прелестный — вы знаете: образовались! Матюшку, кстати, все они и сами недолюбливали: дерзкий малый был! — и принялись его допекать. А он что ни день, то больше дурит. Пришел как-то раз домой пьянее вина, стал бушевать. Дядя — его унимать, а он из этого дяди сгоряча только что котлет не наделал.

Дядя — в волость. Вызывают Матюшку. «Ставь ведро!» — «Облопааетесь!» — «А? облопаемся? драть!» — «Не дамся!..» Пошла свалка, и... Матюшку угораздило как-то вырвать у волостного старшины ровно половину бороды... Сидя в холодной, Матюшка надумался, что дело его скверно, выломал решетку и бежал, на прощанье с Мартыновщиной подпалив свою собственную избу: полдеревни тогда выхватило пожаром. Недели через две преступника поймали в соседнем уезде, свезли в острог, судили и отправили в каторгу по чистому «виновен». Лет пять о нем не было ни слуха ни духа, а теперь он, «из дальних странствий возвратясь», опять объявился в наших краях уже не просто Матюшкой, а Матюшкой Беглецом...

— На месте Савросеева я не мог бы спать спокойно, — заметил акцизный, зевая.

— Беглец в Мартыновщину не пойдет, если ему жизнь дорога, — возразил Аристов, — мартыновщичины помнят его красного петуха и пришибут его как собаку, только покажись он поблизости: с конокрадами и поджигателями у мира расправа короткая.

— Так-то так... А все-таки знаете... На грех мастера нет: подкрадется, как тать в нощи, да и того...

— Эх, не так страшен черт, как его малюют! Да, кроме того, и вообще, вряд ли Беглецу долго гулять. Вся полиция на ногах, травят его, как волка, совсем загнали: вот уже с месяц, как ничего не слышно про его подвиги...

— Жесток он, говорят, режет...

— Да, не церемонится...

— Эге! слышите?

В переборе между двумя взвизгами метели в тылу у путников звякнул еще колокольчик, — яркого серебряного звона, с тем характерным, немножко гнусавым плачем, какой услышишь, лишь едучи на очень лихой тройке с очень лихим ямщиком...

— Кусковы, надо полагать, — отозвался акцизный, — больше с той стороны некому.

— Кусковы! где им... у них одры, им за нашими кониками не угнаться, особливо в такую кутерьму...

— А не Кусковы — так уж не знаю, кому и быть... добрых коней по дворянству сейчас в околотке больше ни у кого не осталось. Надо

полагать, кабатчик какой опоздился, тоже к Новому году домой спешит...

Задняя тройка догоняла. Слышно было уже, как фыркали, прибавляя бегу, кони и пели полозья... И вдруг — ух! Ни Аристов, ни акцизный ахнуть не успели, как кибитка их завалилась набок, сшибленная ударом перегнавшей их задней кибитки. А кони опять провалились выше колена в снег.

— Черти! — ругался Аристов, барахтаясь под свалившимся на него акцизным и неистово топча коленами сонного Викторина, который — спросонья не в силах разоб- рать, в чем дело, — только испуганно мычал и бормотал...

Тройку Сидорюков проезжие тоже зацепи- ли, но Сидорюки отделались счастливее — их не свалило. Они поворотили коней и выпра- вили сбитых с пути компаньонов.

— Какие это идолы? какие подлецы? — кричал Аристов на всю степь с пеной у рта.

— Да мы окликали их, а им ништо! — гово- рил Сидорюк, — хохочут и гонят!..

— Ни люди, ни черти, прости Господи мое согрешение, — уныло ворчал Феофил, тщетно

бродя вокруг кибитки в поисках за потерянным кнутом.

Всем стало как-то не по себе среди этой мутной ночи, таинственной, дикой и чудесной, после встречи с кем-то — не разберешь, с кем именно, но с грубым, сильным, нахальным...

— А это уж не... — начал было акцизный и осекся.

«А это уж не Беглец ли», — хотел он сказать, но вовремя догадался, что пугать сейчас народ не годится.

Вскоре из снежной мглы на путников тускло глянуло издалека что-то вроде красного глаза; это было итальянское окно мезонина в барском доме Мартыновщины.

Собаки глухо лаяли во дворах, чуя приближающиеся тройки.

* * *

Ужин кончился, на столе остались только вино, пиво и наливка. Застольники сдерживались, пока о. Викторин был между ними, но батюшка скоро ослабел, ушел в кабинет хозяина и заснул на диване; с его уходом новогодний пир быстро превратился в оргию. Ари-

стов брэнчал что-то на расстроенных дедовских клавикордах, Савросеев как попало щипал струны гитары и сильным голосом выводил «Барыню», скупщик Сидорюк — испитой рыжий мещанин с робкими манерами и растерянным выражением лица, плясал с экономкой Фаиной «русскую». Акцизный, сильно «на взводе», был в восторге и совершенно разошелся: топал ногами, крутил, точно конь, головой, щелкал пальцами, гикал...

— А вы ехать не хотели! — поминутно попрекал его Аристов.

— Ах, не поминайте, пожалуйста... глупости... — отмахивался акцизный, влюбленно взглядываясь на Фаину — большую пышную женщину, в шелковом платье, с грубоватым и не особенно красивым, но задорным лицом.

Меньшой брат Сидорюка, широкоплечий гигант, спал за столом, опустив могучую голову на тарелку с ореховой скорлупой. Неподалеку от него сидел попутчик, взятый Сидорюками из города, чужак, васильсурский мещанин, приехавший в курскую глушь разыскивать родных — крепкий мужчина с простоватым лицом; ему было лет за сорок: русая голо-

ва и рыжая борода уже сильно серебрились. Он был не пьян и смотрел на подгулявшую компанию робко и конфузливо.

— Онисим... или как тебя там? Вукол... Карп... черт — дьявол! — кричал Савросеев. — Что ты, братец, совой сидишь? пей!

— Пью-с, Антип Егорович; не извольте беспокоиться, много довольны вашей лаской... — поспешно возражал мещанин, застенчиво срываясь с места.

— Сиди, сиди!.. — благосклонно увещевал Савросеев, — я, брат, не гнушаюсь, я со всеми как с ровней. Ты меня в первый раз видишь, так не знаешь моих привычек, а вот Сидорюк подтвердит. Сидорюк! горд я?

— Ни в жизнь! — отвечал Сидорюк, яростно выделывая па.

— Жги-жги-жги!.. плавай! — командовал Фаине Аристов.

— Пре-е-лестно! бе-е-сподобно! фея... фея! — коснеющим языком бормотал умиленный акцизный.

Через полчаса он был пьян до галлюцинаций. Внезапно вытаращил глаза и стал неверною рукою в воздухе совать по направлению

к окну.

— Ро... рожа... посмотрите: там... такая рожа, — лепетал он, указывая на прорез ставни...

Но его уже никто не слушал.

* * *

Сонная тишь. Кто из гостей был в состоянии добраться до отведенных на ночлег комнат, покоятся на постелях, васильсурский мещанин лег трупом на самом поле битвы с Бахусом. Савросеев не спит: когда он пьет много вина, то долго не засыпает; он лежит навзничь в постели, тупо смотрит на пламя ночника, слушает шорох мышей за обоями, треск запечного сверчка, стон болтов и скрип ставен под напором метели. Слушает — и чудится ему, что в доме у него завелось что-то чужое, неладное... какие-то подозрительные скрипы, взвизги и шорохи, не то мебель двигают, не то болт в ставне вынимают... ходит кто-то быстрой и легкой походкой, словно домовой танцует по половицам...

— Фаина! Фаина! — воскрикивает он.

А в ответ — в столовой вздох, бормотанье, падение чего-то тяжелого.

— Да что ж это за чертовщина, наконец?

Савросеев садится на постели и долго ищет туфли. Из щели под дверью на него тянет, как со двора, морозным ветром, пламя ночника мигает, дрожит и делает страшные тени на обоях...

Дверь спальни тихо приотворилась, и на пороге выросла богатырская фигура васильсурского мещанина.

— Что тебе, Вукол? Чего не спишь?

Но Вукол делает шаг вперед. Странная улыбка расплывается у него на лице... Савросееву делается жутко: черты смирного мещанина кажутся ему не такими добрыми и глупыми, как недавно — в столовой.

И... что ж это? Не сон ли? Вукол отстраняется от двери, равнодушно прислонившись к косяку, а в полумраке из-за него выдвигается кто-то другой, весь в снегу и инее, с сосульками на усах и бороде. На Антипа Егоровича точно плывет по воздуху давно знакомое ненавистное цыганское лицо, красивое, грозное, злобно-насмешливое.

— С Новым годом, с новым здоровьем, барин! — слышит Савросеев глумливый привет.

Слышит, хочет понять — и не понимает...

— Что, сударь? Не ушел от Матюши? Достал я тебя?..

Савросеев молчит и трясется. Ни силы защищаться, ни голоса звать на помощь: слишком неожиданно явилась к нему смерть. А что это — смерть, неминуемая и беспощадная, старику ясно по каждой черточке в холодном и спокойном лице разбойника, по острому блеску его цыганских глаз, по жестокой улыбке, играющей на его губах, по той кошачьей небрежности, с какою Матюшка облокотился на спинку дубовой кровати и в упор рассматривал свою жертву, — так близко, что Антип Егорович чувствует его дыхание на своем лице... Савросеев хочет перекреститься, но к рукам у него как будто приросли десятипудовые гири, и, против воли неподвижный, он мутно и бессмысленно, словно приведенное на убой животное, глядит в пространство, издавая искривленными губами беззвучный и бессвязный лепет... С лица Матюшки сбежала улыбка, губы его побелели и задрожали, он стал как будто и выше ростом, и шире в плечах.

— Ну, Антип Егорович, господин Савросеев-

ев, — медленно сказал он, тяжело и глубоко дыша, — первым делом теперича подай мне свои ключики, а вторым делом — стану я с тобой, злодеем, про обиду мою разговаривать. С любушкой твоей мы уже поговорили... Довольна... Вукол! бери его! приступай!..

* * *

Утром, когда Аристов поднял от подушки тяжелую голову, яркий свет ударил ему в глаза. Метели как не бывало, за окном далеко кругом лежала необозримая снежная равнина, сплошь розовая в лучах раннего солнца. Розовый свет на белых обоях мезонина, розовые узоры на обледеневших окнах. Избушки курились, и дым прямым столбом тянуло к безоблачному небу. Безветрие и холод. В доме мертвая тишь.

Аристов сунул ноги в туфли и спустился из мезонина во второй этаж, где была спальня Савросеева. Резким холодом потянуло ему навстречу из столовой, где вчера совершалась попойка. Он вошел и обомлел перед вывороченным окном, у которого ночная метель успела набросать громадный, в уровень с подоконником, сугроб.

— Разбой! — заорал он не своим голосом и переполошил весь дом.

Вошли в спальню Савросеева. Помещик лежал поперек кровати навзничь, касаясь пола запрокинутой, почти что напрочь отрезанной головой... Выражение мертвого лица было ужасно. Видно было, что над стариком долго и мучительно потешались, прежде чем покончили мстительную игру!.. Бросились искать Фаину и нашли — под тем сугробом, что намела за ночь в открытое окно вьюга.

Чьею работою было это преступление, всем было ясно, но — как оно совершилось? Напрасно переглядывались все, в ужасе и недоумении... И куда пропали убийцы? Розовая степь кругом лежала мирная, улыбающаяся, безответная.

С дикою ночною метелью прокралась смерть в Мартыновщину и с дикою ночною метелью умчалась из нее. Умчалась и все следы за собой, как помелом, замела.

Примечания

В сб. «Мифы жизни» помещен в разделе «Русь».

Печатается по изд.: Амфитеатров А. В. Мифы жизни // Собр. соч.: Спб., 1911. Т. 10.

Сераль — в странах Востока — дворец, его внутренние покои, а также женская половина во дворце, здесь: гарем.

Венера Медицейская — знаменитая статуя Венеры в музее Уффици во Флоренции.

Бахус (римск. мифол.) — бог вина и веселья.